

ФЕНОМЕН ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ БАЙ СЯНЬЮНА «СМЕРТЬ В ЧИКАГО»

А. В. Хотулева

*преподаватель (Белорусский государственный университет, Беларусь, Минск)
lina.khotuleva.98@mail.ru*

В данной статье рассматривается формирование тайваньской идентичности и, соответственно, литературы в послевоенные годы, а также предпринята попытка исследовать, чем является тайваньская идентичность в творчестве одного из самых известных авторов Тайваня Бай Сяньюна.

Ключевые слова: тайваньская идентичность; китайская идентичность; постколониальность; тайваньский модернизм.

THE PHENOMENA OF TAIWANESE IDENTITY IN THE NOVEL «DEATH IN CHICAGO» BY BAI XIANYUN

A. V. Khotulyeva

*Ass. Lecturer (Belarusian State University, Belarus, Minsk)
lina.khotuleva.98@mail.ru*

In this article it is looked through foundation of Taiwanese identity and literature in the post-war years, and explored what Taiwanese identity was in the works of one of the Taiwan's most famous authors, Kenneth Hsien-yung Pai.

Key words: Taiwanese identity; Chinese identity; Postcolonialism; Taiwanese modernism.

Для начала следует определиться с тем, что мы подразумеваем под термином тайваньская идентичность. Достоверно неизвестно, когда именно впервые появилось предположение о существовании некоего «тайваньского самосознания». Наиболее вероятно, что данный феномен был более-менее ярко продемонстрирован в 1895-1945 гг., когда Тайвань столкнулся с японскими колонизаторами, но следует понимать, что антияпонская позиция выражала нежелание тайваньцев подчиняться захватчикам и существовала скорее в контексте общекитайской борьбы, нежели противостояла и китайцам, и японцам [1]. Многие жители Тайваня являлись (и являются) беженцами с материка, естественно, что никто из них не стал бы считать себя обособленным еще и от Китая. До японцев тайваньцы активно сопротивлялись европейским колонизаторам (например, мятеж Го Хуайи), всячески восставали против власти империи Цин [1]. Здесь следует отметить, что, хотя и был протест, его сложно назвать выражающим какие-то политические ожидания, которые идут рука об руку с национальными вопросами. Тайваньцы восставали против неудобной власти, из-за которой народ стра-

дал от бедности и голода, из-за повышения налогов, но вовсе не потому, что считали себя отдельным народом, борющимся за признание. И все же некоторые исследователи полагают, что именно подобные восстания и мятежи на протяжении XIX и XX вв. положили начало формированию самосознания тайваньцев.

В 1895 году на Тайвань вторглись японцы. Следует отметить, что приход колонизаторов, как правило, служит своеобразным толчком для развития национальной культуры, поскольку таким образом угнетаемый народ стремится выразить протест. В 1920-х гг. появляются первые произведения тайваньской литературы. Японцы ужесточают цензуру, практически запрещая китайский язык в печатных изданиях (кроме классической поэзии), из-за чего тайваньские писатели до прихода китайской армии писали исключительно на японском языке [2]. Т. е. тайваньская литература с момента зарождения насильно была отделена от китайской, в первую очередь это проявилось именно в языковой дистанции, во вторую, разумеется, в том, какое влияние японская литература оказала на тайваньскую.

Важно отметить, что, хотя тайваньцы и ждали освобождения от японской власти, впоследствии их ожидало разочарование. Китайские освободители отличались от идеальных представлений тайваньцев и, по их мнению, оказались коррупционерами и нарушителями, активно грабили и разрушали тот экономический и социальный порядок, какой до них воцарился на Тайване благодаря японцам [1]. Огромное влияние оказало и то, что китайцы относились к тайваньцам как к людям второго сорта, тем самым подчеркивая дистанцию между пришедшими освободителями и «освобожденным» народом. Постколониальность по отношению к японцам наложилась на «захватнические» действия материковых китайцев, вынуждая тайваньцев ощутить себя чужими и дистанцированными от тех, кого они воспринимали как «своих». Китайцы в сознании тайваньцев стали продолжением колониального этапа.

В послевоенные годы Тайвань ожидают новые потрясения. После прихода Гоминьдана тайваньская литература переживает огромный кризис, поскольку является фактически запрещенной. Политика Гоминьдана поддерживала антияпонские взгляды (а, как говорилось ранее, тайваньская литература в то время существовала только на японском языке), что вылилось в преследование оппозиции – тех, кто как-либо был связан с японцами. Но и социалистические идеи не устраивали существовавшую власть, т. е. влияние литературы с материка теперь исключалось тоже (хотя прежде представители реалистической литературы существовали и на Тайване). Двуязычие, которое только-только начало появляться в газетах и журналах, было перечеркнуто новой политикой Гоминьдана, а множество писателей (колониальных и социалистических) были запрещены. В Тайвань так и не пришла литературная революция с материка, при этом была перечеркнута предыдущая традиция, заложенная японцами, и в таких условиях тайваньской литературе оставалось лишь обратиться к предшествующей, дореволюционной традиции, т. е. к классической литературе Китая [2].

Таким образом, во время Белого террора из литературного контекста были исключены практически все тайваньские писатели, чьим родным языком был

японский, или кто был замешан или заподозрен в связи с китайскими писателями. Не следует забывать и о коренном населении Тайваня, голос которого и во все был подавлен. Итак, Гоминьдан «отвергает» существовавшие в те времена пути развития культуры и литературы Тайваня и, следовательно, нуждается в том, чтобы создать свой инструмент пропаганды, который позволил бы более прочно укрепить свою власть. Литература всегда была для китайского народа хорошим инструментом для влияния и воспитания подрастающего поколения; логично, что именно сейчас новая власть как никогда нуждалась в четком определении того, что есть тайваньская литература и какие цели она будет преследовать. Самый важный компонент это, разумеется, ее антикоммунистическая направленность. Но как противостоять влиянию Китая? Недостаточно продемонстрировать противостояние материке, следует подкрепить это более устойчивой идеей, которая могла бы объединить народ Тайваня. Если отвергается японское и китайское, то что остается как не упор на «свой» национализм? Таким образом, тайваньская литература получает новый вектор и становится *антикоммунистической* и *националистической*. Идеи, когда-то зревшие в головах тайваньцев, их ощущение дистанции между ними и колонизаторами служит отличным подспорьем для развития такого рода литературы. Важно отметить, что от традиций классической китайской литературы тайваньцы не отказываются. Центральной темой становится ностальгия и тоска по утраченной связи с Китаем и его наследием, где подчеркивается осуждение Коммунистической партии, которая становится главным врагом и разлучником тайваньцев и китайцев.

Таким образом, можно отметить, пусть и спорное, но все-таки имеющее право на существование мнение о том, что тайваньская идентичность во многом продукт гоминьдановской пропаганды и воссоздана, возвращена искусственно. Тайваньский народ нуждался в объединении, нуждался в общем враге, которым стал коммунистический Китай, и это подтолкнуло к формированию дистанции. Но тайваньцы никогда не отказывались от притязаний на свою историческую родину, поддерживая связь и с китайской идентичностью. Согласно опросам, около 44-45 % жителей Тайваня считают себя одновременно и китайцами, и тайваньцами, в то время как считающих себя только китайцами – 4 % (с 1992 по 2006 было 26,2%) [3]. Можно проследить, как поколение, сменившее тех, кто застал Китай еще единым, формирует нечто принципиально новое, и что итог пропаганды Гоминьдана довольно интересен. И Китайская Народная Республика, и Китайская Республика схожи в национальных идеях единства народа, и обе при этом населены множеством народностей. В Китае их насчитывается 56, а на тайваньских островах продолжают проживать коренные народы, и многие из них владеют китайским языком, но при этом поддерживают связь со своей культурой и наследием. Любопытно, что в отношении малых народов подход китайцев и тайваньцев несколько различается; хотя, и там, и там, присутствует стремление стереть границы, сделав народ единым, тайваньское правительство подчеркивает, что современные тайваньцы – потомки островных жителей и переселенцев, и таким образом, несмотря на присутствующие культурные различия, благодаря

кровосмешению, у современных тайваньцев присутствует общий знаменатель [3]. Трудно представить подобное на китайском материке, где коммунистическое правительство существует благодаря единству идей и апеллирует такими понятиями как «дружба народов», «великая семья», «единое государство». Это единство в условиях многонациональности достигается благодаря тому, что национальное (с позиции правительства Китая – локальное) подавляется в угоду политическим амбициям. Интересно и то, что ни Тайвань, ни Китай не стремятся отказать друг друга. Для коммунистического правительства Китая Тайвань – это локальная культура, все еще часть Китая, в то время как для тайваньцев Китай – это их «колыбель», где зародились тайваньские корни, от которых они отказываться не намерены [3].

В этих условиях достаточно сложно однозначно определить, чем является тайваньская идентичность. Будучи возвращена искусственно как орудие пропаганды Гоминьдана, она обретает свои собственные идеалы, основывающиеся на политических и экономических изменениях: глобализация, свобода, демократия и равенство; при этом связь с культурно-историческим наследием Китая не разрывается а, наоборот, подчеркивается [3]. Таким образом, тайваньский национализм представляет собой достаточно сложное и многогранное явление, и может принимать различные формы – как более умеренные, где упор делается на любовь к родине, так и более радикальные, где выдвигаются идеи о необходимости сформировать нацию, отличную от китайской [3]. В последние годы формируется представление о тайваньцах как о едином, где уживается китайское, японское и даже западное, но при этом тайванец – это житель Тайваня, политически и духовно преданный своей родине. Многонациональность и разрозненность становится частью противоречивой идентичности, удивительным образом подчеркивая ее единство. Из этого следует, что под тайваньской идентичностью мы будем понимать самоидентификацию жителей острова как «тайваньцев», которая при этом подчеркивает и принимает разрозненность и размытость данного понятия даже среди самих жителей острова.

В контексте рассуждений о тайваньской литературе и ее развитии трудно переоценить вклад известного писателя Бай Сяньюна (白先勇, р. 1937), который как никто другой приблизился к воссозданию и пониманию того, кем является современный ему тайванец. Писатель родился в Гуйлине и был выходцем из материкового Китая, некоторое время проживал и учился в Гонконге, а затем переехал на Тайвань, где и началась литературная деятельность [4]. Начиная с 1950-х гг. тайваньская литература благодаря политическим связям Тайваня и США открывает для себя влияние западноевропейской литературы, в том числе модернизма. Тайваньские писатели, для которых оставалось не так много путей развития творчества, принялись активно осваивать западные течения, и Бай Сяньюн не был в этом исключением. Начиная с 1980-х гг. модернизм с концентрацией на внутреннем мире человека был воспринят в качестве важного этапа осмысления тайваньской идентичности.

Поворотным событием в жизни и творчестве Бай Сяньюна послужила смерть матери в 1962 году. Результатом внутренних метаний, а также поспешно-

го переезда в США, становится рассказ «Смерть в Чикаго», где Бай Сяньюн впервые предпринимает попытку исследовать противоречивую идентичность китайцев, оказавшихся вытесненными из контекста китайской идентичности, но и не принятыми европейцами и американцами [4].

История рассказывает о студенте, У Ханьхуне, который уже много лет не приезжал домой, и его единственной связью с Китаем служит мать, которая скоропостижно скончалась. У Ханьхун, занятый учебой и получением степени, сталкивается с необходимостью написать автобиографию, что запускает цепочку разрозненных воспоминаний – о своем прошлом, о своей жизни и о смерти матери, которая до последнего не желала отвлекать сына от учебы и не позволила дяде написать правду о своей болезни.

Чикаго воспринимается сквозь внутренний мир У Ханьхуна как место многолюдное, неудобное, полное ярких огней и контрастов. Контраст с самой жизнью, которая течет по улицам города, с мертвенной тишиной убогого подвала, заваленного книгами умерших писателей, где и коротают дни У Ханьхун. Смерть окружает героя, более того, он сам сознательно тянется к ней. Смерть проявляется даже в отношениях с людьми. Фактически для американского общества, раскрепощенного и свободного духом, китаец У Ханьхун мертв, поскольку он даже не пытается создать социальную связь между собой и другими; в то же время с китайскими мигрантами у У Ханьхуна общение также не задалось – он одинок, отвергает других, и другие отвергают его. Единственным утешением для него служат многочисленные книги: Диккенс, Шелли, Платон, Ницше и Шекспир. Каждый из этих авторов является носителем и проводником определенных этапов развития западноевропейской философско-эстетической мысли, и китаец У Ханьхун отчаянно пытается постичь их; ведь если ему удастся понять европейцев, он сможет быть принят их обществом и их культурой. У Ханьхун, вероятно, желает разорвать связь с Китаем, которая удерживает его в позиции «чужого». Он существует не только в маленьком неудобном подвале, он застывает на границе реальности и вымысла, где призраки прошлого оживают на улочках Чикаго, пока У Ханьхун бессмысленно бредет. Здесь следует отметить неизменное мастерство Бай Сяньюна расставлять акценты на символических деталях, благодаря чему читателю удастся глубоко погрузиться во внутренний мир и самоощущение У Ханьхуна. Герой тонет в собственном сознании, которое порождает причудливые образы и ассоциации. Постоянно всплывают строки из старых писем матери, и все смазывается в правдоподобную картину своеобразного потока сознания, где У Ханьхун цепляется за деталь, а затем она ускользает, порождая волну размышлений. Так он бредет в бар, нарушив свой привычный распорядок жизни нищего холостяка. У Ханьхун под влиянием эмоций отчаянно стремится найти спасение в компании людей, хотя глубоко внутри понимает, что толпа только подчеркнет его одиночество и обособленность.

Самыми светлыми воспоминаниями, помимо матери, становятся воспоминания о неудачной первой любви, проникнутые нежностью и ностальгией, а затем нежный образ возлюбленной растворяется во время встречи с Лорной, ино-

странкой в баре. Лорна – торжество телесного начала, резкий контраст по сравнению с призраками прошлого: ее внешность яркая и эпатажная, кричащая о желании интимной близости. Однако она не может дать У Ханьхуну той близости, которую он жаждет – близости духа. Проведя с ней ночь, герой обнаруживает, что она лишь сорокалетняя женщина, лишенная притягательности и привлекательности, и даже ее волосы были ненастоящими. Бай Сяньюн мастерски описывает тело Лорны, используя противоречивые метафоры (*«ее кожа была морщинистой, как молочное облако, плавающее на поверхности молока»*), которые подчеркивают резкий контраст между реальным миром и вымыслом в сознании У Ханьхуна [5]. Покинув Лорну, герой продолжает свое скитание по улицам Чикаго. Образы наслаиваются друг на друга: У Ханьхун видит Лорну, а затем мертвое тело матери, которая требует, чтобы он немедленно вернулся. Его единственное желание – *«найти тайник, закрыть глаза, забыть прошлое, настоящее и будущее и погрузиться в глубокий сон»* [5]. Он не желает возвращаться в Тайбэй, где нет двадцатиэтажных домов, но при этом не желает возвращаться в свой подвал, который находится в двадцатиэтажном доме. Этому герою нигде нет места.

Прежние ценности (желание постичь европейскую культуру) оказываются бессмысленны перед лицом одиночества, заброшенности и изоляции, которой подвергается (осознанно и неосознанно) У Ханьхун. Он желает сна, и его понимание того, что есть сон оказывается очень китайским: У Ханьхун шагает в озеро и совершает самоубийство, тем самым достигая желаемого. Кольцевая композиция завершается: У Ханьхун, начинающий свою автобиографию с места рождения, оставляет последней мыслью место и время своей смерти.

Следует отметить, что образ У Ханьхуна, несмотря на присутствие индивидуальных черт во многом является собирательным, и это подчеркивается даже его именем. В оригинале имя пишется *《吴汉魂》*, где первый иероглиф 吴 созвучен с китайским 无 (выражает древнекитайское отрицание в книгах), 汉 включает в себя понятия «Китай, китайский, ханьцы», а 魂 – это дух, душа. Таким образом становится очевидно, какой смысл закладывает Бай Сяньюн в имя главного героя – лишенный китайской души; души ханьцев, т. е. связь с материковым Китаем уже утрачена. У Ханьхун – уроженец Тайбэя, покинувший родные места. Его связь с Китаем была очень условна, и именно мать являлась последней нитью к корням и наследию, которая обрывается, оставляя У Ханьхуна в неопределенности и экзистенциальном кризисе. Вопрос этнического самоопределения – один из важнейших вопросов для гармоничного развития человеческой личности; это позволяет ощутить себя принадлежащим к какой-либо общности, имеющим общие идеалы, соответственно, защищенным от изоляции и одиночества. Как можно проследить, у У Ханьхуна нет ощущения близости и принадлежности ни к одному миру – ни к западной культуре, ни к китайской, и он обречен быть вычеркнутым их контекста, т. е. обречен на социальную, духовную и физическую смерть. Американский уклад жизни обнажает его китайскость, в то время как воспоминания о китайском укладе жизни обнажают его как не-

китайца, и даже имя отрицает его китайскую часть. Здесь не просто конфликт двух идентичностей, где появляется вопрос, относится человек к американцам, или все-таки к китайцам, здесь появляется вопрос о том, может ли существовать спасительная золотая середина, где Китай и Запад позволят личности существовать одновременно в нескольких культурных парадигмах, не отвергая эту своеобразную идентичность. У Ханьхун – типичный тайванец, чья связь с Китаем была насильно разорвана, но альтернативы для создания новой идентичности попросту нет: герой не может быть объединен пропагандой через демократические ценности или антикоммунистическую позицию, поскольку находится очень далеко от родины и избавился от влияния Гоминьдана; при этом прижиться в мультикультурной Америке он тоже не может, ведь вырос он совершенно в других условиях и не способен целиком и полностью принять западные ценности.

Смерть становится единственно возможным вариантом для У Ханьхуна, которому пока что мир не оставил места. Это отражение страха, одиночества, глубокой боли и безысходности, какое испытывают люди, неуверенные в собственных корнях, вынужденные резко разорвать связь с прошлым, но не способные избавиться от нее окончательно, чтобы попытаться воссоздать что-то новое. У Ханьхун – олицетворение неопределенности и изоляции Тайваня, который не может быть до конца принят ни Западом, ни Востоком.

Таким образом, можно отметить, что вопрос о тайваньской литературе тесно переплетен с вопросом о тайваньской идентичности – ведь именно необходимость искусственно ее создать привела к тому, что тайваньская литература начала активно формироваться и искать новые пути собственного развития, отличные от материковой китайской литературы. Не существует едино принятого мнения о том, что следует понимать под идентичностью тайванцев, однако несомненно данный феномен существует и требует пристального междисциплинарного изучения.

Библиографический список

1. Каимова, А.С. История формирования и эволюции «Тайваньской идентичности» в послевоенный период: 1945-2008 : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03/Каимова А.С. ; МГУ им. М. В. Ломоносова, – М., 2016. – 30 с.
2. Writing Taiwan: a new literary history / Dewei Wang, Carlos Rojas (eds.). – Durham: Duke University Press, 2007. – (Asia-Pacific). – ISBN 978-0-8223-3851-2 978-0-8223-3867-3.
3. Чэнь Цзяньвэй. Тайваньская идентичность: локальная, национальная, глобальная? / Чэнь Цзяньвэй // Сетевое издание Центра Исследований и аналитики Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. – 2013. – URL <https://clck.ru/3EdKKY>. – Дата доступа : 15.11.2024.
4. 作家年表。 白先勇文學年表[Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/3EdKwE>. – Date of access: 15.11.2024.
5. 白先勇 《芝加哥之死》 [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/3EdLGe>. – Date of access: 15.11.2024.